

Helena Cybienko

Роман Элизы Ожешко "Над Неманом" и русская литература

Acta Polono-Ruthenica 6, 293-303

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Helena Cybienko
(Rosja, Moskwa)

Роман Элизы Ожешко *Над Неманом* и русская литература

Известно, что последние 40 лет своей жизни Элиза Ожешко прожила в Гродно, городе с польским населением с давними польскими традициями. Однако Гродно не входило тогда в состав Королевства Польского, а числилось непосредственно в Российской империи, поэтому там национальные гонения по отношению к польскому населению и польской культуре чувствовались особенно остро. С 1865 г. там был официально запрещен польский язык, введены значительные ограничения на издания польских книг и на всевозможные мероприятия культурно-просветительского характера. В этих трудных условиях Ожешко много делает для пропаганды польской культуры. В 1879 г. ей удалось получить разрешение на основание польского книгоиздательства в Вильно, однако уже в 1882 г. оно будет закрыто царскими властями. Писательнице запрещен выезд из Гродно, за ней установлен полицейский надзор.

В своих письмах Ожешко неоднократно жалуется на гнет цензуры, необходимость переносить место действия произведений из Вильно и Гродно в несуществующие Онвиль и Онгород. „Система правления нами, – пишет Ожешко из Гродно в 1868 г., – действует с новой энергией. Сурово повторен приказ, запрещающий говорить по-польски. Берут огромные денежные штрафы... На улицах полно полиции: хватают за ворот всех, кто приветствует друг друга по-польски”.¹

Писательница тяжело переживала национальное порабощение своей родины, может быть, была более чувствительной, чем другие ее современники, к трагедии народа, потерпевшего поражение в восстании 1863–64 годов, в котором, как известно, она приняла посильное участие и в результате которого оказался в ссылке ее муж, а родовое имение разорено.

И в этих условиях, несмотря на враждебное отношение к России и всему русскому большей части польского общества, Ожешко не поддавалась этим настроениям, она с уважением относилась к русской культуре, не отождествляя ее с царским самодержавием.

¹ E. Orzeszkowa. *Listy zebrane*, t. 1, Wrocław 1954, s. 39.

Владея русским языком, о чем она упоминала в своих письмах², Элиза Ожешко внимательно следит за такими журналами, как „Отечественные записки“, „Русская мысль“, „Вестник Европы“ и др. „Я получаю *gratis* три главных русских ежемесячника и одну ежедневную газету“³, – отмечает она в одном из писем. „Я давно уже должна была поблагодарить Вас, – пишет Ожешко Вуколу Лаврову, – за любезную присылку журнала, так богатого серьезным содержанием и такого интересного, каким является «Русская мысль», которую я читаю с живейшим удовольствием”⁴.

Первые высказывания Ожешко о русской литературе относятся к началу 80-х годов – это упоминания о чтении произведений Салтыкова-Щедрина и Достоевского. Очевидно, в конце 70 – начале 80-х годов она познакомилась и с произведениями Тургенева, в частности с его романом *Отцы и дети*, который появился в польском переводе в 1870 году⁵ и сразу вызвал широкий отклик в прессе. Польские критики уже тогда писали о возможной инспирации, идущей от этого романа Тургенева, а также романа И. А. Гончарова *Обрыв* и сказавшейся в ее романном цикле, получившем название *Призраки* (название одного из романов этого цикла, 1880). Известно, что писательница сообщая И. Ю. Крашевскому о работе над этим циклом, упоминает понятие „нигилист“, взятое из русского языка.⁶

Возможно, не без влияния Тургенева в польской литературе 70–80-х гг. довольно часто встречаются романы, основанные на мотиве борьбы поколений. Во всяком случае к этому типу относится лучший роман Элизы Ожешко *Над Неманом*, писательница развивает три сюжетные линии: история любви Юстыны Ожельской из обедневшей шляхетской

² В 1882 г. Ожешко в своем письме М. Е. Салтыкову-Щедрину, поблагодарив его за публикацию в редактируемом им журнале „Отечественные записки“ перевода ее рассказов сообщает русскому писателю, что, хотя она не может писать и говорить по-русски, все же знает этот язык „достаточно, чтобы следить за русской литературой”. М. Е. Салтыков-Щедрин, *Полн. собр. Соч.*, т. 19, Москва 1939, с. 433.

³ E. Orzeszkowa, *Listy zebrane*, t. 2, Wrocław 1955, s. 62.

⁴ Z. Barański, M. Jakóbiec, *Listy Orzeszkowej do Ławrowa*, „Slavia Orientalis”, 1957, s. 243.

⁵ См. библиографию переводов и работ о Тургеневе в Польше в кн.: J. Trochimiak, *Iwan Turgeniew w piśmiennictwie polskim lat 1850–1914*, Lublin 1982. См. также: А. Семчук, Т. Шишко, *О начале известности Тургенева в Польше*, [в:] *Сравнительное изучение литератур*, Ленинград 1976.

⁶ E. Orzeszkowa, *Listy zebrane*, t. 4, Wrocław 1967, s. 20

семьи и землепашца Яна Богатыровича, завершившаяся „мезальянсом”⁷, социальный конфликт между помещиком Бенедиктом Корчиньским и его соседями, крестьянами Богатыровичами и спор, вылившийся в открытый конфликт между Бенедиктом Корчиньским и его сыном Витольдом, представляющим молодое поколение.

Бенедикт Корчиньский когда-то вместе с другими патриотами принял участие в польском восстании 1863 г., был захвачен его освободительными и демократическими идеями, но восстание было подавлено, его старший брат Анджей погиб и покойся в братской могиле (мысль о восстании, хотя выраженная и не всегда прямо – мешали цензурные условия – проходит через весь роман), хозяйство Корчиньского переживает трудности в связи с проведенной в 1864г. аграрной реформой, и он, стремясь во что бы то ни стало удержать землю, постепенно становится типичным помещиком, ссорится и судится со своими соседями, крестьянами хутора Богатыровичи⁸, всячески притесняет и обижает их. Так Бенедикт Корчиньский отказался от своей демократической молодости, а восстание показано у Ожешко как взлет демократизма, как стремление шляхты искупить свои грехи, как совместное выступление шляхетских патриотов и наиболее сознательных представителей народа.

Сын Бенедикта Корчиньского – Витольд, студент агрономической школы, страстный поклонник науки, считает, что помещики, и его отец тоже, должны все силы отдать народу и земле. Когда он говорит со своей подругой, то слышны всегда одни и те же слова: „народ, страна, община, интеллигенция, инициатива, просвещение, благосостояние, необходимость труда”.⁹ Витольд не хочет заискивать перед богатым родственником, потому что его не уважает. „Никогда не рано знать и говорить правду, – говорит он отцу, недовольному его поведением. – Я молод, но именно

⁷ Ожешко и хотела в начале работы над романом назвать его „Мезальянс”, но потом два других конфликта вытеснили первоначальный замысел, а история любви получила не столько самостоятельное, сколько подчиненное значение; она должна служить иллюстрацией для авторского варианта разрешения второго из называемых далее конфликтов, а частично, пожалуй, и третьего, так как Юстына солидарна с Витольдом в развиваемых им идеях и даже поступает согласно его программе, т.е. идет в народ, к народу.

⁸ В романе Ожешко это не совсем простые крестьяне, когда-то их предки были шляхтичами – поэтому Богатыровичи не знали крепостного права, но сейчас они ведут на своих небольших участках земли трудовую жизнь крестьян (явление, специфически характерное для польской действительности).

⁹ Э. Ожешко, *Соч. в 5 т.*, т. 3, Москва 1954, с. 188. В дальнейшем цитаты даются по этому изданию с указанием страницы в тексте работы.

поэтому и вправе судить тех, чья жизнь и чей образ мыслей находится в полнейшем противоречии со всеми идеалами моего мира, молодого, лучшего!” (с. 208).

Витольд, подобно Базарову, категоричен и бескомпромиссен в своих суждениях о людях. В ответ на просьбу отца занять приехавших к ним в гости кузин, он замечает: „Это просто дармоедки, от которых цивилизации, конечно, никогда никакой пользы не будет... это не будущие образованные женщины, а светские сороки; в их птичьих головах не сыщешь ни одной передовой мысли” (с. 209).

Витольд тверд и упорен в достижении своих целей (выражены они, правда, довольно туманно: человеческое достоинство, свобода, труд, цивилизация). „Я смотрю на вещи очень трезво, - заявляет он отцу. – Если я когда-нибудь приду к уважению, что моя теория никоим образом не может примириться с практикой, я пушу себе пулю в лоб, но от теории ни за что не отступлю” (с. 370).

Мы видим в романе постоянные столкновения Витольда с отцом. Поводов было много. Один из них – воспитание сестры, из которой, как считает Витольд, воспитывают куклу. В результате упреки в его адрес: „Ты никого не любишь, и всех осуждаешь – близких, родных, сестру, даже отца...” (с. 210). Конфликт с отцом все нарастает. Причем, это конфликт не родственник, а социальный. Богатыровичи жалуются Витольду на отца: „из-за всякой мелочи, из-за всякого пустяка иди в суд..., а потому что жадность его обуяла, потому что он презирал бедных, за людей считать их перестал” (с. 475). В результате дело доходит до открытого бунта со стороны Витольда. Он горячо вступает за крестьян, бросает в лицо отцу обвинения. На слова отца, что на него жалуется темный, ничего не смыслящий народ, Витольд восклицает: „Почему же этот народ глуп и темен? Откуда у него такая жадность, такая вражда?... Разве во всем этом нет ничьей вины, кроме его собственной?” (с. 489).

Витольд упрекает отца и за забвение традиций восстания, за позорный страх при одном упоминании имени его погибшего брата. Бенедикт Корчиньский воспринимает слова сына как слова судьи, как приговор себе: „К смертной казни ты приговоришь меня или только к каторге?” (с. 491).

Конечно, здесь нет и не может быть полной аналогии между Базаровым и его отношениями с „отцами”. Важно только показать, что роман *Над Неманом* строится в значительной степени на конфликте „отцов” и „детей” и что этот конфликт имеет, как и у Тургенева, социальный характер. А то, что он принимает у польской писательницы совсем другие формы, то это вполне естественно. И формы другие, и финал столкновения иной. К концу романа Ожешко отец и сын

примираются. Отец глубоко потрясен бурным объяснением с Витольдом, в нем просыпаются воспоминания о восстании, о погибшем брате, он готов пойти на уступки крестьянам.

В целом же романе *Над Неманом* мы находим весьма критическое изображение дворянства, особенно аристократии. Правда, эта критика не имеет такого сатирического оттенка, как в более ранних ее произведениях – *Добродетельных*, *Пане Грабе*, *Господах Помпалиньских*, но она, по справедливому наблюдению Яна Детко, „становится глубже: Ожешко ударяет по основам, а не по их проявлениям”.¹⁰ Эта критическая картина дворянского сословия сближает роман *Над Неманом* с *Отцами и детьми*, о которых Тургенев писал: „Вся моя повесть направлена против дворянства как передового класса”.¹¹

В данном случае возможное влияние Тургенева можно рассматривать в самом общем плане. *Отцы и дети* могли быть инспирацией для писательницы, а не образцом для подражания. *Над Неманом* – это произведение самобытной, талантливой писательницы, оно наполнено своим, национальным содержанием, в нем рисуются национальные, польские типы и характеры. Вместе с тем проф. Я. Кульчицкая-Салони нашла возможным сказать об Ожешко: „Это Тургенев научил ее распознавать социальные явления в момент их зарождения. Согласно своему учителю, имевшему, впрочем много учеников в Европе, она искала в отношениях между «отцами и детьми», между поколениями конфликт, когда «старые» задерживают прогресс, а «молодые» поднялись против них и хотят самостоятельно устроить свою жизнь и жизнь других”.¹²

Я. Кульчицкая-Салони считает, что Ожешко была очарована „меланхолической поэзией” романов Тургенева, что особенно для нее, „узницы Гродно”¹³, Тургенев „был образцом и моделью”.¹⁴ Исследователь находит много общего с Тургеневым и в описании литовских и белорусских пейзажей, которые своей меланхолической грустью напоминают картины природы у русского писателя.

Внимание польской критики привлек также роман Тургенева *Новь*, опубликованный в 1877 г. и вскоре переведенный на польский язык.

¹⁰ J. Detko, *Eliza Orzeszkowa*, Warszawa 1971, s. 347.

¹¹ И. С. Тургенев, *Полн. собр. соч. и писем. Письма*, т. 4, Москва 1962, с. 380.

¹² J. Kulczycka-Saloni, *Powieść polska XIX wieku a europejska twórczość powieściowa*, [w:] *Literatura. Komparatystyka. Folklor*, Warszawa 1968, s. 518.

¹³ На какое-то время за Ожешко был установлен полицейский надзор и ей был запрещен выезд из Гродно.

¹⁴ J. Kulczycka-Saloni, *op. cit.*, s. 509.

Можно сказать, что в центре внимания польских критиков оказался образ главной героини романа Марианны Синецкой.

Возвышенный и благородный характер Марианны, ее готовность на жертву олицетворяют собой лучшие черты передовой русской молодежи. В связи с образом Марианны, продолжившей галерею ярких женских типов Тургенева (Лиза в *Дворянском гнезде*, Наталья в *Рудине*, Елена Стахова в *Накануне*) следует сказать, что многие польские авторы высоко оценили женские образы Тургенева. Одним из первых о них высказался Б.Бялобоцкий: „С любовью рисует Тургенев женские образы, он раскрыл в них столько энергии, готовности на самопожертвование и способности к серьезной деятельности, что наверняка не для одной своей читательницы он был полезен как проводник, показывающий разумные и благородные примеры жизни”.¹⁵

О поэтизировании Тургеневым русской женщины, о том что он „первый вывел ее из тупика семейных добродетелей на общественную дорогу”, пишет автор некролога Тургенева в журнале *Век*.¹⁶ О том общем, что объединяет тургеневских героинь и делает их похожими друг на друга, пишет А. Лисицкая. „И этот тургеневский тип, – считает она, – напоминает польку, но это уже не прикрашенный тип, как в повестях наших романистов”.¹⁷

Как представляется, знакомство с романом *Новь* оставило след на характере главной героини романа Элизы Ожешко *Над Неманом*. Юстына Ожельская напоминает Марианну из романа Тургенева. Она, как и Марианна, живет в богатом доме на положении бедной родственницы. Ее окружение совершенно чуждо ей, Юстына не может примириться с праздным, бесцельным существованием, она тянется к простой, трудовой жизни, к природе.

В характерах своих героинь Тургенев и Ожешко подчеркивают чувство достоинства, гордость, силу духа, стремление к независимости, нежелание есть чужой хлеб – именно эти качества и делают их чуждыми окружению. Со своими благородством, нравственной чистотой, стремлением к труду и полезной деятельности они как бы не вписываются в среду богатых бездельников, в которой им приходится жить. „Давно уже

¹⁵ В. Białobłocki, *Szkice społeczne i literackie*, Warszawa 1954, s. 201.

¹⁶ См. об этом: В. А. Лугаковский, *Русские писатели о польской литературе*, вып. 3, Тургенев, Спб 1913, с. 5.

¹⁷ Цит. по: В. А. Лугаковский, *Указ. соч.*, с. 10–11.

опротивели мне их наряды и развлечения, их поэзия и любовь...”¹⁸, – говорит Юстына.¹⁹

Как и Марианна²⁰, Юстына мечтает вырваться из дома своих благодетелей, обрести независимость, найти цель в жизни. Вот это-то стремление обрести цель жизни, служить людям больше всего сближает Юстыну и Марианну.²¹ Юстыне „хотелось куда-то идти, бежать, помогать кому-то, словом видеть перед собой какую-то цель; иногда она готова была ворочать камни, пилить дрова, только бы стать пригодной к чему-нибудь”²².

Героиня Ожешко, подобно Марианне, стремится сблизиться с народом, чувствует себя в крестьянской избе лучше, свободней, чем в барском доме. Можно сказать, что она, как и героиня *Нови*, хочет „опроститься”, хочет трудиться вместе с крестьянами. Ожешко подчеркивает, какое моральное удовлетворение она получает, выходя вместе с крестьянами жать в поле.

Правда, есть и отличие между героинями Ожешко и Тургенева. Марианна живет общественными стремлениями и интересами²³, она готова служить революционным целям, „делу”, как пишет Тургенев. Юстыне же не удалось найти большего общественного дела. Она обретает смысл жизни, согласившись стать женой крестьянина Яна Богатыровича, она хочет трудиться на родной земле, нести просвещение в крестьянский хутор.

Вместе с тем у русского критика Марии Цебриковой были основания, чтобы сказать: „В романе *Над Неманом* заметно бьет струя

¹⁸ Э. Ожешко, *op. cit.*, с. 15.

¹⁹ „Разве этот ваш хлеб не горек? – восклицает Марианна обращаясь к своей «благодетельнице», – какую бедность не предпочту я этому богатству? Разве между вашим домом и мною не целая бездна, которую ничто закрыть не может?” (И. С. Тургенев, *Собр. соч. в 12 т.*, т. 4, Москва 1954, с. 375).

²⁰ Тургенев пишет о Марианне: „... жить в зависимости ей было тошно, она рвалась на волю всеми силами неподатливой души” (там же, с. 226).

²¹ „Вы знаете, что я в Вашем распоряжении, – говорит Марианна Нежданову, – что я хочу быть тоже полезной вашему делу, что я готова сделать все, что будет нужно, пойти, куда прикажут...” „Жажда деятельности, жертвы, жертвы немедленной – вот чем она томилась” – добавляет Тургенев (И.С. Тургенев, *Собр. соч.*, в 12 т., т. 4, с. 286).

²² Э. Ожешко, *op. cit.*, с. 279.

²³ „Мне кажется иногда, – говорит она Нежданову, – что я страдаю за всех притесненных, бедных, жалких на Руси... нет, не страдаю – а негодую за них, возмущаюсь..., что я за них готова голову сложить...” (И. С. Тургенев, *Собр. соч. в 12 т.*, т. 4, с. 277).

того движения, которое Тургенев звал опростением и олицетворил в героини *Нови Марианне*".²⁴

Глубинная близость произведений Ожешко и Тургенева, их задушевность, «теплый» тон дали основание известному критику того времени Генрику Глиньскому сказать так: „...Кто плакал и смеялся, читая Над Неманом, тот с чистым сердцем полюбит произведения Тургенева”.²⁵

Из всех русских писателей особые симпатии Ожешко питала к Л. Н. Толстому – не потому, что ей был близок его стиль, напротив, „как мастер слова Ожешко резко отличается от Толстого. В е манере письма есть риторическая многословность, налёт чувствительности”.²⁶ С творчеством Толстого Ожешко сближает прежде всего внимание к нравственным проблемам, стремление найти смысл жизни, ту „правду жизни”, о которой так много писал Толстой. Не случайно Ярослав Ивашкевич считал Элизу Ожешко наиболее близкой Толстому из всех польских писателей того времени. Отметив, что главное у Толстого – поиски правды, Ивашкевич пишет: „... Если под этим углом зрения мы захотим сравнить с Толстым кого-то на нашем Парнасе, то мы можем сопоставить с ним Ожешко... Здесь, конечно, не может быть речи о сравнении их талантов, которое будет не в пользу нашей писательницы. Но речь идёт об однородности основы, на которой вырастают обе художественные натуры, считающие своей задачей борьбу за освобождение человека”.²⁷

Разоблачение морали господствующих классов, в произведениях Ожешко, противопоставление им трудового народа, вера в его нравственную силу – родственны творчеству Толстого.

Высказывания Ожешко о Толстом относятся к более позднему периоду, чем годы, когда она работала над романом *Над Неманом* (1887–1890). Первое упоминание – 1896 г. – о его брошюре *В чём моя вера* однако можно предполагать, что писательница познакомилась с произведениями Толстого раньше.

Восхищение писательницы вызвал роман Толстого *Воскресение*. 4 февраля 1900 г. она пишет профессору Игнатию Барановскому: „Читала это время на русском языке *Воскресение* Толстого, и если у Вас выпадет минута для чтения беллетристики, я рекомендую эту оригинальную и,

²⁴ „Русская мысль”, 1894, №7, с. 83.

²⁵ H. Gliński, *Тыпу w powieściach Turgeniewa*, „Świat”, 1889, s. 37.

²⁶ Т. Л. Мотылева, *О мировом значении Л. Н. Толстого*, Москва 1957.

²⁷ J. Iwaszkiewicz, *Słowo o Tolstoj*, „Twórczość”, 1961, nr 1, s. 75.

пожалуй, гениальную вещь, хотя о её доктринах можно было бы спорить”.²⁸

В августе 1908 г., в связи с 80-летием со дня рождения Л. Толстого, редактор „Русских ведомостей” В. М. Соболевский обратился к Элизе Ожешко с просьбой прислать для юбилейного номера хотя бы несколько слов о Толстом. Письмо не застало Ожешко в Гродно, где она постоянно жила, а по возвращении ее номер „Русских ведомостей”, посвященных Толстому, уже вышел (28 августа). Однако писательница сочла своим долгом ответить редакции. Ее письмо было помещено в № 207 за 1908 г. под заглавием *Лев Толстой (Письмо а редакцию. Перевод с польского)*. Вскоре многие польские газеты опубликовали его под заглавием *Ожешко о Толстом*. Это письмо свидетельствует о глубоком уважении польской писательницы к Толстому: „Великий художник и великий мыслитель, Лев Николаевич Толстой возвышается над всей областью искусства и мысли как апостол любви к людям. Великие умы правят миром, но только великие сердца спасают мир. Каждый, кто верит в эту, казалось бы, несомненную правду, даже не соглашаясь со взглядами Льва Толстого, должен признать, что он является одним из тех, кто ведет мир к избавлению. Пусть же он, великий защитник любви и мира среди ненависти и неправды, живет как можно дольше и ведет свой народ к освобождению”.²⁹

Русский писатель был для Ожешко образцом в работе над словом. К письме к Тадеушу Гарбовскому 13 марта 1901 г. она ссылается на „высокий для себя” пример Толстого, „который иногда переписывает свои произведения буквально по 20 раз”.³⁰

Известно, как близки взглядом Толстого некоторые произведения Ожешко: повесть *Хам*, рассказ *Одна сотая*, роман *Анастазия*, некоторые толстовские мотивы можно найти в ее романах *Два полюса*, *Австралиец*.³¹

В этом ряду может быть назван и роман *Над Неманом*. Как уже отмечалось, писательница критикует здесь польскую аристократию и ту часть шляхты, которая после поражения восстания 1863 г. предала забвению демократические идеалы и заботилась лишь о приумножении

²⁸ E. Orzeszkowa, *Listy zebrane*, t. 2, s. 68.

²⁹ E. Orzeszkowa, *Pisma krytycznoliterackie*, Wrocław-Kraków 1959, s. 491. См. публикацию этого письма по тексту „Русских ведомостей” и комментарий Е. З. Цыбенко в кн.: „Литературное наследство”, т. 75: *Толстой и зарубежный мир*, кн. 1, Москва 1965, с. 98.

³⁰ E. Orzeszkowa, *Listy zebrane*, t. 3, Wrocław 1956, s. 260.

³¹ См. об этом: Е. З. Цыбенко, *Элиза Ожешко и русская литература*, [в:] Е. З. Цыбенко, *Из истории польско-русских литературных связей XIX–XX вв.*, Москва 1978.

своих доходов; им противопоставляются мелкие обедневшие шляхтичи, Богатыровичи, ведущие трудовую жизнь. Хотя они и сохранили воспоминания о своем шляхетском происхождении, это простые скромные землепашцы, олицетворяющие такие черты народа, как любовь к труду и природе, духовное благородство, чувство собственного достоинства. Помещицья усадьба и ее обитатели воплощают в романе праздность, погоню за богатством, духовную деградацию, моральное разложение. Не случайно одна из обитательниц поместья молодая девушка Юстина Ожельская, которой не по душе пустая и праздная жизнь ее общества, всем сердцем тянется к Богатыровичам, и их трудовой жизни. Вместе с ними она выходит на жатву в поле. Описание жатвы – одна из наиболее ярких в художественном отношении картин в романе: это настоящий гимн труду, воспевание его красоты и облагораживающего влияния на человека. Юстина получает большое нравственное удовлетворение, работая вместе с крестьянами.

Вряд ли можно согласиться с предположением Т. Л. Мотылевой о том, что эта картина навеяна знаменитым описанием сенокоса из *Анны Карениной*³², хотя здесь и есть что-то общее.³³ Переживания Юстины во время жатвы, психологически тонко нарисованные Ожешко, в некоторой степени напоминают размышления Левина во время сенокоса. Но это сходство следует объяснять не непосредственным влиянием толстовского описания, а тем общим, что было в подходе двух писателей к проблеме взаимоотношений господствующих классов и народа. Правда, это общее имеет свои границы. Как правильно подметила Т. Л. Мотылева, полного родства между Левиным и Юстиной нет, да и не может быть. Трезвый реализм подсказал Толстому, что для Левина участие в сенокосе и сближение с крестьянами – явление временное, эпизод, не предполагающий возможности преодоления пропасти, разделяющей барина и мужика. Ожешко, напротив, надеялась на примирение между помещицьею усадьбой и крестьянским хутором. Поэтому ее героиня порывает со своим обществом и выходит замуж за землепашца Яна Богатыровича.

Говоря о связях творчества Ожешко с русской литературой, необходимо особо подчеркнуть глубокую самостоятельность,

³² См.: Т. Л. Мотылева, *О мировом значении Л. Н. Толстого*, Москва 1957, с. 663.

³³ Прямых указаний на то, что Ожешко читала этот роман Толстого нет. *Анна Каренина* публиковалась в „Русском вестнике” в 1875–1877, отдельным изданием вышла в 1878 г. Польский перевод появился значительно позже – и 1888–1891 г. в Кракове. Но можно предположить, что Ожешко познакомилась с романом Толстого в оригинале.

национальную и индивидуальную самобытность ее как художника. Самобытность и творческая самостоятельность польской писательницы отмечалась и русской критикой. „Впечатлительная к передовым течениям в жизни и поэзии, – пишет А. И. Яцимирский, – она всегда шла своим путем и сумела сохранить литературно-общественную самостоятельность”.³⁴

Роман *Над Неманом* был хорошо известен в России еще при жизни писательницы. До 1917 г. он издавался у нас 10 раз в хорошем переводе Вукола Лаврова, издателя журнала „Русская мысль”. Этот роман и другие произведения писательницы оказались как бы созвучными настроениям и вкусам русского читателя. „Талантливая писательница, – писал о ней Лев Шепелевич, – сочинения которой имели сильное влияние не только на ее родное общество, но и на многочисленных русских читателей”.³⁵ „Для русских читателей, – пишет другой автор, – имя Элизы Ожешко давно уже стало своим, родным и дорогим”.³⁶

³⁴ А. Яцимирский, *Новейшая польская литература от восстания 1863 г. и до наших дней*, т. 1, Спб. 1908, с. 208.

³⁵ Л. Шепелевич, *Элиза Ожешко. Литературная характеристика*, „Вестник Европы”, 1907, № 9.

³⁶ М. Славинский, *Элиза Ожешко*, „Вестник Европы”, 1910, № 6, с. 409.